

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

ДЭВИД ГРАММИТТ

Период бурных политических и культурных потрясений
и важнейших нововведений, повлиявших
на основополагающие аспекты английского
государственного устройства и жизни общества

Краткая история (Аттикус)

Дэвид Граммитт

**Краткая история. Война
Алой и Белой розы**

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 94(410)

ББК 63.3(4)

Граммитт Д.

Краткая история. Война Алой и Белой розы / Д. Граммитт — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Краткая история (Аттикус))

ISBN 978-5-389-18053-6

Книга посвящена одной из самых драматичных страниц в истории Англии – Войне Алой и Белой розы, серии династических вооруженных конфликтов 1455–1485 годов, развернувшихся в ходе борьбы за власть между двумя ветвями династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков – и завершившихся победой Генриха Тюдора из боковой ветви Ланкастеров, основателя династии, которая затем правила Англией свыше ста лет. Рассматривая столь противоречивый исторический период, Дэвид Граммитт последовательно раскрывает точки зрения современных историков, используя многочисленные новейшие данные, в том числе полученные им самим в ходе его научных исследований. В доступной форме рассказывая об этом противостоянии и делая обзор посвященных ему исторических источников, автор представляет Войну Алой и Белой розы в контексте личного опыта современников событий и показывает изменения в обществе, причиной которых она стала. Книга, снабженная генеалогическими древами, картой, временной шкалой и обширной, структурированной по проблематикам библиографией, будет полезна студентам высших учебных заведений и их преподавателям, а также всем увлеченным английской историей.

УДК 94(410)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-389-18053-6

© Граммитт Д., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Предисловие	10
Введение	11
Почему вообще «война Алой и Белой розы»?	11
Историки войны Алой и Белой розы раннего периода	13
Война Алой и Белой розы и профессиональная история	16
К. Б. Макфарлейн и война Алой и Белой розы	19
После Макфарлейна	23
Часть 1	25
1	25
1399–1413: Вопрос законности	25
1413–1437: Видимость порядка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дэвид Граммитт

Краткая история: Война Алой и Белой розы

© David Grummitt, 2012

© Колин А.З., перевод на русский язык, 2020

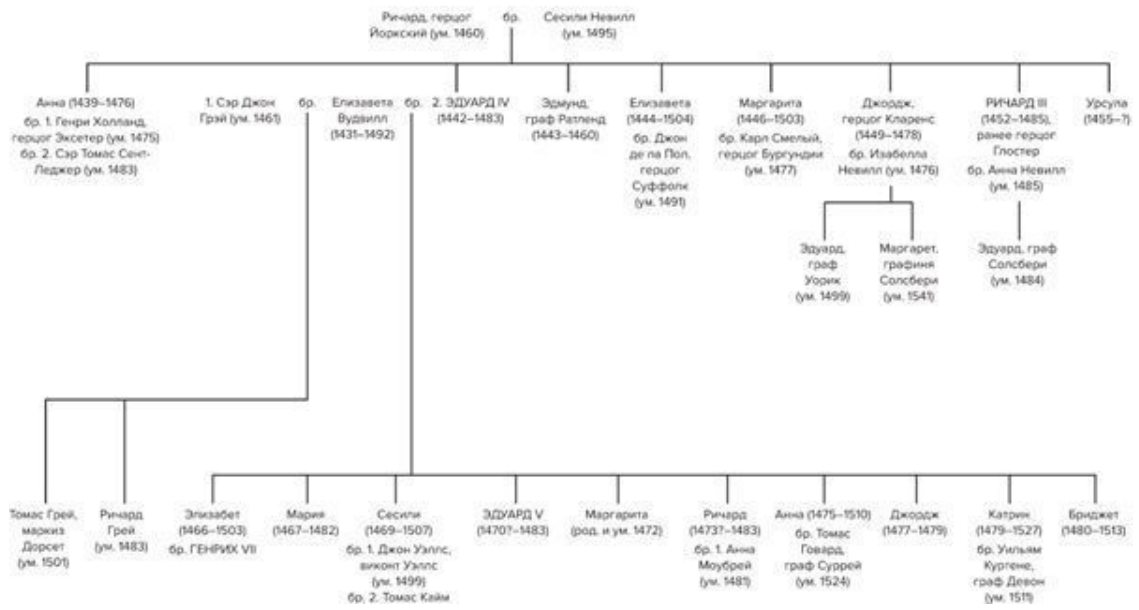
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Колибри®

СЕМЕЙСТВО ЭДУАРДА IV

Предисловие

Война Алой и Белой розы¹, некогда ставшая неотъемлемой частью истории Британских островов, ныне занимает в исторической памяти довольно любопытное место². В последнее время в научном сообществе появилось множество публикаций на тему этой войны, но ее причины, течение событий и последствия вызывают ныне больше споров, чем когда-либо прежде. Для молодого поколения она своего рода тайна, лежащая между «убогим Средневековьем» и кровавым временем «ужасных Тюдоров». Хотя последние пятьдесят лет мы наблюдаем настоящий взрыв новых академических работ о событиях XV столетия, Война Алой и Белой розы остается до известной степени темным веком английской средневековой истории, слишком сложным вопросом для включения в новую, всеобъемлющую историю Британских островов. Отчасти такое положение – неминуемое следствие усилий целых поколений профессиональных историков, которые недооценивали воздействие войны и намеренно не желали видеть исторический лес за деталями в описаниях деревьев. Тенденция к принижению важности войны за последние годы лишь увеличилась, и авторитеты нашего времени наиболее склонны подавать английское общество и правительство в период между Черной смертью и Реформацией как нечто однородное³.

Но выстроить цепь событий – лишь часть работы историка. Существует и другая – отследить и объяснить причины перемен. В XV столетии английское общество подверглось значительным изменениям, причем не в последней степени в силу целой череды жесточайших политических столкновений, известных нам как Война Алой и Белой розы. Англичане столкнулись с болезнями, с поражением в противостоянии заморскому противнику, со свержением и убийством королей, с глубоким кризисом экономики – своей и зарубежной. Все эти обстоятельства подтолкнули к развитию иного взгляда на политику, на взаимоотношения между князьями и их подданными, а также на выработку структуры управления и общества. Кроме того, Англия менялась и под воздействием более широких культурных, экономических и социальных процессов: Возрождение и развитие идей гуманизма позволили прозвучать голосам тех, кто жаждал нового, кто отважился бросить вызов патриархальному укладу. Шире открывались двери новым возможностям в сферах политики и морали. Появившееся ближе к концу столетия книгопечатание и распространение текстов способствовали обмену мыслями, но одновременно помогали усиливать власть и обостряли споры.

Автор предложенной вашему вниманию краткой истории Войны Алой и Белой розы ставил перед собой три задачи: во-первых, в доступной форме рассказать как о самой войне, так и о посвященных ей исторических источниках; во-вторых, представить войну в контексте личного опыта современников событий; в-третьих, показать ее воздействие как на отдельных субъектов, так и на общество в целом. В итоге у читателя должно сложиться представление о том, как опыт гражданской войны формировал английскую культуру, политику и общество в десятилетия после 1450 года. Поэтому книга разделена на три части: причины конфликта (период с 1399 по 1459 год); течение событий на протяжении трех фаз противостояния – в 1459–1464, 1469–1471 и 1483–1487 годах; итоги и последствия конфликта.

---

¹ В зарубежной литературе принято обозначение во множественном числе – «Войны Алой и Белой розы», или «Войны роз». Мы в этой книге будем использовать традиционное для русской историографии название «Война Алой и Белой розы». – *Прим. науч. ред.*

² *H. E. Marshall. Our Island Story: A History of England for Boys and Girls. London: T. C. and E. C. Jack, 1905.*

³ *G. Harriss. Shaping the Nation: England, 1360–1461. Oxford: Oxford University Press, 2005.*

Введение

Война Алой и Белой розы в истории

Почему вообще «война Алой и Белой розы»?

Война Алой и Белой розы, по словам философа истории У. Г. Уолша, – не более чем обобщающее понятие, нечто вроде «индустриальной революции», «научной революции» или даже «холодной войны». Это один из терминов, изобретенных историками для удобства и позволяющих как-то объединить порой довольно хаотичные сами по себе события в связную цепочку. Поэтому в контекст Войны Алой и Белой розы входят эпизоды от восстания под руководством Джека Кэда в 1450 году до узурпации власти Ричардом III в 1483 году. Это дает историкам и студентам некие рамки для проведения изысканий, написания работ и попыток осмыслить прошлое⁴. В эру профессионального скептицизма историков приходится упорядочить термин и определить целесообразность его применения. Временные границы войны, ее начало и окончание – постоянная пища для споров. Обнаруживаются все новые доводы, способные бросить вызов ортодоксальной позиции; мало того, даже сам факт войны ставится под вопрос. Как уверяют нас многие, понятие Войны Алой и Белой розы ввел в обиход и представил публике сэр Вальтер Скотт в опубликованном в 1829 году романе «Карл Смелый» («Анна Гейерштейнская, дева Мрака»; *Anne of Geierstein, or The Maiden of the Mist*), а жившим в XV столетии современникам событий подобное название было неизвестно. Действительно, природа конфликта середины XV века носила весьма ограниченный характер, а потому большинство англичан не осознавали, что живут во времена гражданской войны⁵.

Вместе с тем преждевременно отказываться в актуальности названию Война Алой и Белой розы, ибо, как указывала Маргарет Эстон сорок лет назад, оно было актуально и для средневековых людей. Проще говоря, белая роза представляла собой одну из эмблем дома Йорков (начиная с Мортимеров, графов Марки); соответственно, алая роза входила в еще более обширную коллекцию символов представителей герцогского, а позднее и королевского дома Ланкастеров. Белая роза служила личным гербом Елизаветы Йоркской, дочери Эдуарда IV, до 1485 года, а Генрих Тюдор немедленно после победы при Босворте воспользовался первой возможностью закрепить за собой символ алой розы. Современники, несомненно, вполне осознавали значение роз как эмблем и их символизм применительно к королевским домам древности. Линкольнширский хронист из аббатства Кроулэнд, один из наиболее проникательных комментаторов того времени, писал вскоре после сражения при Босворте, что в результате победы Тюдоров «клыки кабаны [Ричард III] затупились, а Алая роза [Тюдор], мститель за Белую [убитых сыновей Эдуарда IV], сияет над нами»⁶. Не прошло и года, как Генрих Тюдор взял в качестве герба белую розу Йорков на фоне алой⁷ – символа Ланкастеров, и этому гербу предстояло украшать королевские дворцы, красоваться во время шествий государя и размещаться на домах его слуг и придворных. Таким образом, к концу XV столетия недавние гражданские войны рассматривались как длительное противостояние двух противоборствующих фракций одного королевского рода, представленных двумя розами, а счастливое примирение их символизировал брак Генри с Елизаветой и соединение обоих цветков в одном гербе. Убе-

---

⁴ C. B. McCullagh. *The Logic of History: Putting Postmodernism in Perspective*. London: Routledge, 2003. P. 125–127.

⁵ J. R. Lander. *Crown and Nobility 1450–1509*. London: Hodder and Stoughton, 1976. P. 57.

⁶ N. Pronay, J. Cox (eds.). *The Crowland Chronicle Continuations: 1459–1486*. Stroud: Sutton Publishing, 1986. P. 185.

⁷ Одной из характерных эмблем Ричарда Глостера был белый кабан. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

дительный образ противоестественной борьбы двух ветвей королевской фамилии – сражающихся друг с другом роз – и окончания долгого периода кровавой гражданской войны с восшествием на престол Генриха VII, а затем упрочения единства и мира с воцарением Генриха VIII, само рождение которого послужило физическим воплощением слияния домов Ланкастеров и Йорков. Этот взгляд на XV столетие и стал господствующим на протяжении следующих пяти веков.

Историки войны Алой и Белой розы раннего периода

Уже к третьей четверти XV столетия предпринимались попытки проанализировать и объяснить причины кровавых распрей, вокруг которых вращалась английская политика недавних лет. В ряде хроник летописцы – преимущественно, но не исключительно лондонской местной традиции – дают нам весьма сходные в широком смысле версии описания событий. Пытаясь найти их причины, авторы указывают на некоторых низкородных советников Генриха VI, честолюбие и алчность которых привели к потере короной французских владений, на убийство дяди короля, герцога Глостера Хамфри, и на народные восстания. Все это вылилось в возглавленный герцогом Йоркским мятеж знати против короля и его «недобрых советчиков». За смещением Генриха VI в 1461 году последовало бурное десятилетие правления йоркской партии. Смерть в 1471 году как самого Генриха, так и его сына Эдуарда, принца Уэльского, открыла перспективу продолжительного мира, но гражданская война запылала новым пламенем в 1483 году в результате узурпации власти Ричардом Глостером и завершилась только после битвы при Босворте два года спустя. Сторонники Йоркской партии вроде автора «Английской хроники» и симпатизировавшие Ланкастерам авторы, к примеру тот хронист периода с 1431 по 1471 год, не противоречат друг другу в этом (по крайней мере, по состоянию дел до 1471 года). Одни наблюдавшие за событиями современники считали Генриха VI негодным государем, который, по словам сторонника Йорков, «не содержал двора, не водил и рати»⁸. Другие видели в нем короля, незаконно смещенного честолюбивым узурпатором. Но все соглашались: избыточное напряжение в английском политическом обществе возникло и вышло из-под контроля вследствие поражения в Столетней войне и обстоятельств 1450 года, а исчерпало себя и привело к определенному умиротворению вследствие союза Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской в 1485 году.

Такие темы служат лейтмотивом наиболее важной хроники позднего XV столетия, составленной лондонским мануфактурщиком Робертом Фабианом. Летопись эта, выпущенная в свет в 1516 году королевским печатником Уильямом Пинсоном, охватывает отрезок с 1223 по 1485 год (с продолжением до 1509). Лондонские хроники служат основой для истории Полидора Вергилия, написанной по воле Генриха VII, но опубликованной уже в 1534-м. Труд Вергилия соединяет в себе мнения как приверженцев династии Ланкастеров (с благостным Генрихом VI и алчным и властолюбивым герцогом Йоркским), так и точку зрения сторонников Йоркской партии (со злокозненным герцогом Суффолком и «добрым герцогом Хамфри» – Глостером) и рисует картину в новых тонах с точки зрения Тюдоров. XV столетие представлено как некий продолжительный кризис, возникший вследствие свержения в 1399 году Ричарда II и завершившийся реставрацией законного потомка древних королей в 1485-м. Необходимо помнить, что работа Вергилия, а заодно и сочинение его современника сэра Томаса Мора, чью «Историю короля Ричарда III», написанную в 1513 году, опубликовали только тридцать лет спустя, представляла собой продукт нового аналитического подхода, вдохновленного гуманистическими воззрениями и итальянским Ренессансом. Авторы подчеркивали глубину причин, породивших гражданские войны, и, выпячивая разрушительность именно этих факторов, занимались морализаторством и пропагандой идеи войн как некоей божественной кары за грех 1399 года. Однако не стоит приписывать эту мысль лишь гению Вергилия и Мора. Фактически такая мысль впервые прозвучала с высоких подмостков в ходе первого заседания парламента Эдуарда IV еще в 1461 году, а затем – при Ричарде III, в 1483-м, не говоря уже о папской булле 1486 года, которой дозволялся брак Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской.

---

⁸ W. Marx (ed.) An English Chronicle. 1377–1461. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2003. P. 79.

Легенда Тюдоров о Войне Алой и Белой розы получила дальнейшее развитие в 1548 году, с публикацией Эдуардом Холлом «Союза двух благородных и славных фамилий Ланкастеров и Йорков». Он тоже начинает рассказ с 1399 года, но производит более подробный и критический анализ XV столетия, нежели Вергилий или Мор. Холл сходится с ними во мнении, что именно узурпация власти в 1399 году привела к без малого веку гражданских войн, однако у него они не являют собой божественной кары, ибо низложение Ричарда II было не только законно, но и оправданно. Подчеркивается и одобрение со стороны парламента принятия королевского титула Генрихом IV. Проблемы возникли из-за честолюбия преследовавших личные цели аристократов: Эдмунда Моргимера, графа Марча, и Ричарда, графа Кембриджа (соответственно дяди и отца Ричарда, герцога Йоркского), поскольку этим господам «дело это было не по нраву и не к их удовольствию»⁹. Более поздние комментаторы периода правления Тюдоров, например сэр Томас Смит в 1561 году, считали главной бедой XV столетия не решенные окончательно династические вопросы. Факторы эти усугублялись честолюбием вельмож и подрывали закон и порядок: «И никто не мог уверен быть в государе своем, в добре своем, в жизни своей». Одним из великолепных образчиков гипербола эры Тюдоров служит утверждение Смита, будто «едва не половина Англии в гражданской войне перебита, во рвах и в замках, или лежат горами и кучами, а кто остался, не ведает [что будет]»¹⁰.

Принято считать, что «миф Тюдоров» о Войне Алой и Белой розы зафиксировал в национальном сознании Уильям Шекспир на страницах двух своих исторических тетралогий. Легенда о столетии гражданской войны и раздоров, начавшихся с низложения Ричарда II в 1399 году, остановленных лишь триумфом Генриха VII и единением домов Ланкастера и Йорка через брачный союз Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской, красной нитью проходит через пьесы «Генрих VI» в трех частях и «Ричард III», а также «Ричард II», «Генрих IV» в двух частях и «Генрих V». Шекспировские пьесы, как и хроника Холла, представляют собой куда более тонкие и сложные версии войны. Шекспир, несомненно, считал Генриха VI набожным и богобоязненным, если уж не совсем человеком не от мира сего – королем, неспособность которого к деятельному правлению роковым образом повредила власти Ланкастеров. Однако драматург подчеркивает честолюбие и злонамеренность ведущих аристократов, в особенности и прежде всего – Ричарда, герцога Глостера (позднее – Ричарда III)¹¹, а кроме того, и отца Глостера, Ричарда Йорка. Идеальный король появляется только в конце первой тетралогии в лице Генриха Тюдора.

Вторая тетралогия сложнее: в ней формируется само понятие королевской власти. Ричард II здесь – явно не лишенный недостатков человек и не лучший государь, а перед подданными встает дилемма: свергнуть тираническое правление или терпеть его ради поддержания общественного благосостояния. Подобный анализ, по всей видимости, в большей степени отражает обостренную политическую борьбу позднего периода елизаветинской Англии, нежели исторические реалии 1399 года. Генрих Болингброк, затем ставший Генрихом IV, представлен определенно макиавеллиевской фигурой, как и Ричард III или Генрих V, который, едва успев надеть корону, бесцеремонно отрешивается от давнего наставника и собутыльника Фальстафа.

Другие комментаторы времен поздних Тюдоров, как Сэмюел Дэниел, эпическое произведение которого «Гражданские войны» выходит в нескольких изданиях между 1595 и 1609 годами, приводят довольно двусмысленные рассказы о Войне Алой и Белой розы, ссылаясь среди прочего и на прямо противоположные мнения и предоставляя читателю воз-

⁹ H. Ellis (ed.). Hall's Chronicle/ London: J. Johnson, 1809. P. 13.

¹⁰ A. J. Pollard. The Wars of the Roses. Basingstoke: MacMillan, 1988. P. 9–10.

¹¹ Ричард III был последним представителем династии Плантагенетов на английском престоле. Титул герцога Глостера он носил с 1461 г. до коронации в 1483 г. – *Прим. науч. ред.*

возможность самому докапываться до правды. Даже не приближаясь к сотворению стройного и монолитного «мифа Тюдоров», историки XVI столетия признавали сложность хитросплетений событий Войны Алой и Белой розы и давали различные объяснения предыдущему тяжелому и кровавому веку.

Война Алой и Белой розы и профессиональная история

Глубинные перемены в подходах к преподаванию истории и написанию исторических работ произошли в середине XIX века. С 1820-х немецкий историк Леопольд фон Ранке распространил в университетах новый «профессиональный» стиль истории, основанный на критическом изучении архивных записей (обычно правительственных). Там новую историю активно обсуждали на семинарах, а продвигавшие ее специалисты в целях создания всеобъемлющего описания процессов развития стран и народов публиковали многотомные труды или заполняли статьями появившиеся во множестве профессиональные исторические журналы. Самым ярким почитателем метода фон Ранке в Англии стал Уильям Стаббс, епископ Оксфорда (1825–1901), в 1866 году назначенный королевским профессором кафедры современной истории в Оксфордском университете. Стаббс сделал два важных вклада в понимание средневековой истории в целом и Войны Алой и Белой розы в частности. Во-первых, будучи сторонником публикаций оригиналов древних текстов, он создал традицию научного издания огромного числа рукописных источников XV столетия. Во-вторых, его монументальный трехтомник «Истоки и развитие конституционной истории Англии» стал основой для понимания английской истории в самом широком смысле слова, при этом особый акцент в данном обзорном труде делался на важности XV столетия.

Стаббс и его ученики сделали то, что обошли вниманием Шекспир и историки эпохи Тюдоров: просто, понятно и всеобъемлюще объяснили причины, ход и последствия Войны Алой и Белой розы. Оплеванная в XX веке как «виговская интерпретация истории», работа Стаббса по простоте и смелости взгляда представляла собой настоящий шедевр. Стаббс поместил XV столетие во временной континуум развития английского общественного строя, которое началось у лесных германских племен времен величия Древнего Рима и оформилось в конституционную монархию викторианской эпохи. Как и фон Ранке, Стаббс верил в определенную свыше судьбу нации, где личности и события складываются в величественный эпос. Средневековая история, как он писал, была «не скоплением множества фактов и мнений, а переплетенными между собой звеньями безукоризненной цепи»¹². По убеждению профессора, успешными королями в позднем Средневековье становились личности, подобные Эдуарду I, – те, кто осознавал, что могущество государей зиждется на одобрении подданных, выраженном ими через парламент.

Причину вспышки пожара Войны Алой и Белой розы Стаббс видел в компромиссах и ошибках Эдуарда III. Отчаянно нуждавшийся в деньгах для ведения Столетней войны правитель в значительной степени принес мощь короны в жертву честолюбию знати через данное ей право сколачивать армии наемников. Еще больше он ослабил корону, разделив королевский патримоний (родовое имущество) между множеством своих отпрысков. Само по себе все это еще не имело необратимых последствий, и королям, правившим в согласии с парламентом, как Генриху IV с его «конституционным экспериментом Ланкастеров», удавалось сглаживать острые углы и шероховатости унаследованной системы правления. Вместе с тем слабые короли, в особенности Генрих VI, не умели сдерживать разрушительные силы внутри государственного механизма, вследствие чего гражданская война сделалась неизбежной. Со своей стороны государи Йоркской династии старались выправить положение не через действия по восстановлению конституционного устройства (и через парламент), а за счет неразборчивости в средствах и насилия. Как считает Стаббс, для вызволения Англии из напастей позднего Средневековья и создания необходимых условий для нового расцвета парламентарной свободы в XVII веке как раз и потребовался деспотизм Тюдоров: «Нация нуждалась в отдыхе и обновлении, в дис-

---

¹² W. Stubbs. *Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History*. (Oxford: Clarendon Press, 1870. P. XV.

циpline и преобразованиях, прежде чем наступит время наслаждаться своими правами первородства»¹³.

Столь тягостная картина XV столетия как некоей интерлюдии в ходе развития нации, периода, полного напастей, времени нерешительных королей и своевольных честолюбивых вельмож, продемонстрировала изрядную живучесть. Наиболее полное отображение подобный взгляд нашел в работе другого историка из Оксфорда – Чарльза Пламмера, который в 1885 году, отредактировав трактат «Управление Англией» сэра Джона Фортеस्कью, живописал крушение королевской власти при Генрихе VI. По мнению Пламмера, Война Алой и Белой розы разгорелась из-за обнищания короны и наличия «чрезмерно могущественных подданных», превосходивших короля своими финансовыми и политическими возможностями, а также вследствие всеобщего беззакония, творимого тут и там шайками вооруженных слуг знати. Стараясь подчеркнуть особенность взаимоотношений между сеньорами и их сторонниками, основывавшихся на выплате наличной монеты (в отличие от настоящего феодализма, где основой была служба за земельное держание), Пламмер создал термин «ублюдочный феодализм». Для иллюстрации кошмара английской жизни XV века этот автор, как верный последователь исторической школы Ранке, воспользовался источниками соответствующего периода, например перепиской Пастонов¹⁴.

Англиканский священник Уильям Дентон, тоже выпускник Оксфорда, опубликовал широко читавшуюся историю XV столетия – практически карикатуру на него. Повествование Дентона основывалось на едва ли не истерических баснях авторов эпохи Тюдоров, вроде сэра Томаса Смита. Если верить Дентону, все беды начались с низложения Ричарда II, но потом события, развиваясь по спирали, стали выходить из-под контроля властей из-за злонамеренности морально разложившихся представителей аристократии (разложению их не в последней степени способствовала беспорядочная половая жизнь!).

К наступлению XX века общее мнение о Войне Алой и Белой розы и о XV столетии, выработавшееся под воздействием работы Стаббса и драматизированное Пламмером и Дентоном, было отрицательным. Вот как оно обобщено в Британской энциклопедии 1911 года выпуска: «Название, данное череде гражданских войн в Англии, происходивших в период правления Генриха VI, Эдуарда IV и Ричарда III... и отличавшихся неистовством и жестокостью, практически незнакомыми истории английских войн до и после того»¹⁵.

Стаббсианский (виговский) взгляд на события XV столетия продолжал господствовать в исторических умах и в XX веке. Раздавались, правда, голоса отдельных инакомыслящих, но они господствующий взгляд всерьез не подрывали. Еще один священнослужитель, Джон Ричард Грин (1837–1883), современник Стаббса и человек радикальных политических воззрений, в 1874 году издал ставшую чрезвычайно популярной «Краткую историю английского народа». Во взгляде Грина на XV столетие заслуживают внимания два момента. Во-первых, он отмечает особенности «новой монархии» Эдуарда IV и Генриха VII, при которых платежеспособность короны и национальную стабильность удалось восстановить за счет управленческих инноваций и сокращения бюджета, а во-вторых, оспаривает разрушительное воздействие войны. Политические предпочтения Грина заставляли его вглядываться в опыт и переживания простых подданных, а не королей и знати. Следуя таким путем, он задался вопросом: а было ли XV столетие на самом деле таким мрачным, каким его рисовали Дентон и Пламмер? Пока представители аристократии резали друг друга на полях сражений при Таутоне, Тьюксбери и Босворте, «торговые и сельскохозяйственные классы», как настаивал Грин, «большой

---

¹³ W. Stubbs. The Constitutional History of England. Oxford: Clarendon Press, 1897. Vol. 3. P. 294.

¹⁴ Письма Пастонов (The Paston Letters) – собрание переписки семейства Пастонов из Норфолка с 1422 по 1509 г., крупнейшее из дошедших до наших дней от Англии XV в. – *Прим. науч. ред.*

¹⁵ Pollard. Wars of the Roses. P. 12–13.

частью оставались совершенно в стороне»¹⁶. Этот автор презирал архивные изыскания и писал в основном для широкой массовой аудитории. Грин никогда заметно не влиял на придерживавшихся академических воззрений современников в Англии, хотя его взгляд на Генриха VII вдохновил американских историков, в особенности Фредерика Дица и Уолтера Ричардсона. Но его труд и доводы до известной степени предвосхитили работу одного из наиболее авторитетных в XX веке историков – Чарльза Летбриджа Кингсфорда (1852–1926).

В свою очередь Кингсфорд тоже, как правило, не затрагивал правительственные документы и ссылался на обильные литературные источники – главным образом народные летописи и частные переписки середины XV столетия. В 1923 году Кингсфорд прочитал так называемые Оксфордские лекции. Спустя два года они были опубликованы под заголовком «Предрассудки и перспективы Англии XV века». Среди прочего в них говорилось, что историки эпохи Тюдоров создали у более поздних поколений ученых «предвзятое отношение» к XV столетию. Со своей стороны Кингсфорд акцентировал внимание на культурном и интеллектуальном духе эпохи, где процветали лолларды, послужившие провозвестниками более позднего протестантизма, где творили авторы из народа, создавая фундамент елизаветинской литературы ближайшего будущего, а царившее в Юго-Западной Англии беззаконие лишь порождало ростки того, что зацвело буйным цветом в образе дерзких первопроходцев эпохи Тюдоров, в частности Дрейка и Рэйли¹⁷.

---

¹⁶ J. R. Green. A Short History of the English People. London: Harper and Brothers. 1878. P. 301.

¹⁷ C. L. Kingsford. Prejudice and Promise in Fifteenth Century England. Oxford: Clarendon Press, 1925.

К. Б. Макфарлейн и война Алой и Белой розы

В середине XX века в Оксфорде нашелся ученый, создавший новую ортодоксальную школу исследований и публикаций по XV столетию, – Кеннет Брюс Макфарлейн (1903–1966). Не столько опубликованными работами, сколько своей преподавательской деятельностью он повлиял на целые поколения историков и видоизменил подходы к вопросам освещения событий Войны Алой и Белой розы¹⁸. Макфарлейн поставил под вопрос телеологический взгляд Стаббса на XV столетие, основанный на схеме развития английского политического устройства, а также управленческий и институциональный подход, выработанный манчестерской исторической школой во главе с Т. Ф. Таутом. Макфарлейн сосредоточился на общественном положении и личных связях аристократии и прочих землевладельцев. Применительно к методологии Войны Алой и Белой розы его работы имели три последствия.

Первое и самое главное – Макфарлейн бросил вызов сформированному Пламмером понятию «ублюдочного феодализма» и характеристике средневекового нобилитета как изначально выродившегося, жестокого и заведомо неуправляемого класса. Обобщенной картине он предпочел своеобразные портреты отдельных аристократов. Такой подход основывался на исследованиях как личных архивов (записей имущественного состояния и в некоторых случаях писем), так и в равной степени правительственных регистрационных актов и хроник. Опираясь на эти документы, Макфарлейн показал происходящее по-новому, дал возможность, с одной стороны, посмотреть на представителей землевладельческого класса как на единое целое, а с другой – представить их на уровне индивида. В целом нобилитет (определенный как сословие пэров) и мелкое дворянство образовывали земельную аристократию, чьи культурные ценности в широком смысле мало различались между собой, поскольку основывались на понятиях рыцарства и благородства, уважении к королю и сеньору и вере в священное право владения землей. Однако внутри очерченных рамок отдельные землевладельцы пользовались относительной свободой выбора при принятии решения поддерживать или не поддерживать господина в годину политических кризисов. Судьба и успешность индивидов определялись и ограничивались личными талантами, болезнями, экономическими обстоятельствами или попросту отсутствием наследников мужского пола (что было вполне обыденно).

Сосредоточенность на личности подтолкнула Макфарлейна ко второму основополагающему предположению относительно середины XV столетия. По его утверждению, в основе своей структура английского политического устройства не была несостоятельной. Базис и основные институты системы отличались изрядной прочностью и просуществовали, не дав серьезных трещин ни на протяжении всего XV века, ни в большую часть следующего столетия. Речь не только об управленческих, фискальных и юридических, но и о социальных механизмах. Таким образом, Макфарлейн очистил систему от отрицательных коннотаций «ублюдочного феодализма». Принцип выплаты жалованья и раздачи кормлений, по Макфарлейну, вовсе не подрывал общественного порядка и власти сеньоров, а служил компенсацией при умножении держаний и ослаблении традиционных связей, основанных на вассальной присяге и воинской службе.

Позднее ученый привлек внимание к тому факту, что «зубчатые грамоты»¹⁹, или двусторонние договоры, не только связывали стороны при наборе личных армий, определяя обязанности по несению военной службы. Они регулировали отношения между договаривающи-

¹⁸ G. L. Harriss. Kenneth Bruce McFarlane (1903–1966) // Oxford Dictionary of National Biography.

¹⁹ По-английски эти документы (средневековые аналоги трудовых договоров) назывались индентурами (indenture, от *lat. dens – зуб*), «зубчатыми грамотами»: текст разрезался зигзагом, одну часть получал наниматель, а другую – нанимаемый на службу.

мися сторонами и в мирное время, когда нанимаемое лицо выполняло те или иные функции во владениях господина, в его свите, в суде и в совете. Лежавшая в основе английского политического устройства социальная и политическая система, основанная в эру позднего Средневековья на обоюдных договорных отношениях добродетельного сеньора с добродетельным слугой, не была неким искажением «чистого» феодализма, но складывалась из-за необходимости приспособляться к менявшимся обстоятельствам. Следовательно, проблема, породившая Войну Алой и Белой розы, не имела структурного характера, но вращалась вокруг проблемы эффективности королевской власти и произрастала в особенности из некомпетентности Генриха VI. Словом, Макфарлейн отбросил представление о том, будто еще Эдуард III оставил потомкам слабую в военном, политическом и фискальном плане державу, сделав ее беззащитной и отдав на милость наиболее значимых подданных, оказавшихся богаче и могущественнее самого короля.

Ученый презирал саму идею «сверхмогущественного подданного» (и, следовательно, живучую виговскую легенду о вынужденном подавлении Тюдорами аристократии, неизбежном для возникновения более поздних форм правления). В выступлении в 1964 году перед Британской академией Макфарлейн великолепно обобщил свои умозаключения: «Но на самом деле лишь сверхслабый правитель имел основания страшиться сверхсильных подданных, и если он оказывался сверхслабым, то причиной было его несоответствие занимаемому посту, а не слабость этого поста и предоставляемых им средств»²⁰. Поэтому основополагающую причину Войны Алой и Белой розы надлежит искать в несоответствии Генриха VI королевскому сану, а причины возобновления боевых действий в 1469–1471 и 1483–1487 годах – в опрометчивых решениях Эдуарда IV (его женитьба на Елизавете Вудвилл) и Ричарда, герцога Глостера (узурпация трона племянника, Эдуарда V).

В конце концов Макфарлейн отбросил картину «скорбного» XV столетия, изначально написанную авторами эпохи Тюдоров, а затем еще более драматизированную Пламмером и Дентоном. Вместо этого, признавая кровопролитность некоторых сражений и относительно высокий уровень потерь среди аристократов и их слуг, Макфарлейн настаивал на хронологической и географической фрагментарности участия и страданий населения. Переход к войне не был неизбежным, а подданные в основном вовсе не горели желанием резать друг друга и не спешили браться за оружие. Макфарлейн подчеркивал избирательность опыта и свободу выбора собственной судьбы даже у представителей верхушки общественной иерархии. Сэр Генри Вернон, вассал графа Уорика, счел себя в 1471 году вправе проигнорировать призыв господина встать под его знамена в битве при Барнете. Пример далеко не единственный: безоговорочно подчиняться сеньору не пожелали и многие другие. Во второй половине XV столетия тенденция лишь усугубилась, что свидетельствовало о растущем нежелании представителей класса землевладельцев вовлекаться в противоборство соискателей королевского титула.

Несмотря на относительно ограниченный объем опубликованных работ, наследие Макфарлейна и его влияние на изучение истории XV столетия поистине огромны. С 1970-х его оксфордские студенты (а впоследствии их студенты и студенты их студентов) заняли главенствующие позиции в возрождении исследований и письменного освещения эпохи Войны Алой и Белой розы. Джералд Харрисс, преемник Макфарлейна в Оксфордском колледже Магдалины, осуществлял общее руководство группой историков, которые с тех пор и поныне доминируют в изучении и освещении этой темы. Тон и направление их мыслей в значительной мере задавали взгляды самого Макфарлейна. Действительно, многие доводы о природе общественного устройства XV столетия (взаимоотношениях между королем и наиболее важными его

---

²⁰ K. B. McFarlane. *The Wars of the Roses // G. L. Harriss (ed.). England in the Fifteenth Century.* London: Hambledon Press, 1981. P. 238–239.

подданными, характере движущих сил в недрах английского государственно-политического устройства) в опубликованных ими работах – по сути, аксиомы.

Наиболее непоколебимый тезис из наследия Макфарлейна – наверное, практически повсеместно принятое утверждение о прочности позднесредневекового английского государства. Она позволяла ему успешно приспосабливаться и выживать в условиях социальных и экономических кризисов, таких как, например, разгул эпидемии «черной смерти» или острая нехватка драгоценных металлов середины XV века; справляться с нагрузками, вызванными внутривнутриполитическими конфликтами и необходимостью ведения боевых действий за рубежом. Устоять государству удавалось за счет организованных институтов власти (прежде всего судов общего права и, с середины XIV столетия, парламента), а также в силу преимущественного сходства взглядов у короля, вельмож и большинства политически значимых подданных. Англия преодолевала волны кризисов одну за другой, оставаясь «смешанной монархией» с начала XIV века до введения в 1629 году режима личной власти Карла I. Добиваться этого позволяло партнерство государей и землевладельцев, поддерживавших друг друга в управлении государством, и принятие населением в целом «континуума богатства, положения и власти, который включал в себя двустороннюю концепцию иерархии и общего блага»²¹.

Поэтому Война Алой и Белой розы представляла собой некую аномалию, порожденную в первую очередь «мрачной реальностью» – полной неспособностью Генриха VI действенным образом исполнять обязанности правителя в трех ключевых аспектах: служить предводителем вооруженных сил в войне; возвыситься над аристократами и стать непререкаемым и независимым судьей в их спорах; и, наконец, должным образом реагировать на рекомендации приближенных и демонстрировать умение прислушиваться к советникам. Только в 1471 году Эдуард IV сумел восстановить порядок, устранив Генриха VI и других потенциальных претендентов на престол, должным образом взаимодействуя с нобилитетом и оправдывая современные представления о том, что такое эффективная королевская власть. Вместе с тем ее длительный кризис, характерный для правления Генриха VI, вернулся в 1483 году с переходом короны к несовершеннолетнему Эдуарду V, и государственно-политическое устройство стало вновь дезорганизовано. Если войны 1450-х и 1460-х имели какое-то реальное значение, то оно состояло прежде всего в ослаблении вассальных связей. Поэтому возобновление конфликта в середине 1480-х стало не просто возможным, а очень вероятным.

Одним из парадоксальных моментов в способе мышления Макфарлейна и его взгляде на эти события нужно назвать навеянную марксистской историографией уверенность в том, что действия политической верхушки в наибольшей степени были мотивированы материальными условиями, и политики искали способа не изменить систему, а лишь максимально расширить собственную власть и получаемые дивиденды; интерес английской аристократии в Столетней войне был столь пропорционален извлекаемым из нее выгодам. Таким образом, патронаж (способность короля награждать нобилитет, представителей последнего – жаловать слуг из мелкопоместного дворянства и далее) представлял собой «жизненно необходимое смазочное вещество для правления» и средство, позволявшее функционировать государственно-политическому механизму. Когда система давала сбой, когда корона или аристократия становились слишком бедными или когда патронаж оказывался не по заслугам, а по прихоти или предпочтениям сеньора, результатом становился политический кризис. Соответственно, начало Войны Алой и Белой розы и ее течение стало прямым следствием экономических условий.

На середину XV столетия как раз пришелся острейший экономический кризис в Европе. Он выражался прежде всего в серьезной нехватке драгоценных металлов для чеканки монет. Это сказывалось на королевской казне и доходах частных лиц и усиливало борьбу за патронаж. Такое восприятие событий XV века, конечно, предполагает, что людьми осознанно или

---

²¹ *Harriss. Shaping the Nation. P. 653.*

нет двигали их корыстные интересы; и в этом авторы XV столетия вроде Вергилия сходятся с Макфарлейном. Вместе с тем этот аргумент остается веским. В наиболее поздних сентенциях хронология войны напрямую привязывается к приливам и отливам европейской экономики, и главный довод тут таков: медленное, но уверенное возвращение к стабильности после 1487 года в значительной мере обусловлено «фактором хорошего самочувствия», сопутствовавшим восстановлению экономики ²².

---

²² *M. Hicks. The Wars of the Roses. New Haven, CT: Yale University Press, 2009. P. 262–264.*

После Макфарлейна

Так где в этой широкой панораме взглядов находится современное понимание Войны Алой и Белой розы и всего XV века в английской истории? В большинстве своем сегодняшнее видение держится рамок так называемой парадигмы Макфарлейна, но отличается в одном основополагающем аспекте: сегодняшние ученые делают упор на важность политических идей, принципов и «конституции». В последние годы наиболее глубокое воздействие на историков в целом и историков Войны Алой и Белой розы, в частности, оказали две близкие друг другу подвижки в мышлении. Первая состоит в переходе от разбора деталей собственно политики к изучению политической культуры. На первый взгляд это лишь семантический нюанс, но на самом деле разница огромна. Чем различаются политика и политическая культура? Определение таково: «Разница между политическим действием и кодексами поведения, управляющими этими действиями официально или неофициально. Объектом истории в первом случае становятся участники игры, во втором – восприятие этими игроками ее природы и рамок. Если реконструкция утраченных политических “реалий” включает в себя воссоздание политических культур, вызов для историка состоит в нахождении соответствующего культурного контекста»²³. Именно установление верного контекста для объяснения поступков людей в ходе Войны Алой и Белой розы и двигало авторами лучших исследований за последние примерно двадцать лет.

Вторая интеллектуальная подвижка, оказавшая заметное влияние на историографию Войны Алой и Белой розы, заключается в так называемом лингвистическом повороте. Данный подход уходит корнями в философию языка, но применительно к истории важен в том смысле, что рассматривает язык не просто как средство отражения общественных реалий, но и как явление, само по себе влияющее на их формирование. Таким образом, исторические документы суть тексты, по своей природе не отличающиеся от других письменных сочинений эпохи (стихотворений, летописей или сказаний) и написанные на языке, который одновременно и представляет, и формирует культурные обычаи своего времени. Язык и точное значение слов и мыслей той или иной эпохи (а также способы изменения этих значений, их отражение и пересказ) превратились в предмет основного внимания историков и других специалистов, изучающих XV столетие.

По крайней мере поначалу такой интерес к языку и мыслям не находил сколько-нибудь ясного и определенного выражения в теоретическом плане. Морис Кин, Майкл К. Джонс и Саймон Уокер исследовали важность рыцарского духа как главенствующей концепции, определявшей политические мотивы и действия. Кристин Карпентер и Тэд Пауэлл занимались «молчаливыми соглашениями», управлявшими помыслами землевладельцев и их отношением к себе в рамках общего права и к нему как таковому, а Джон Уоттс подробно изучал представления о королевской власти и понятие о системе иерархии и управления, лежавших в основании английского политического устройства²⁴. Однако недавно историки принялись теоретизировать более явно. Отчасти такой процесс обязан росту внимания к середине XV века со стороны университетских языковых кафедр. Работы вроде «Смерти Артура» сэра Томаса Мэлори или «Книги знатного дворянства» Уильяма Вустера превратились в ключевые письменные источники для понимания политической культуры Англии соответствующего периода. В равной степени ученые, подходящие к Войне Алой и Белой розы извне исторической науки, не дают нам забыть о важности гуманизма, новых подходов к чтению и пониманию текстов

---

²³ D. Hoak. Tudor Political Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1995). P. 1.

²⁴ Дальнейшее обсуждение см.: Ch. Carpenter. Introduction: Political Culture, Politics and Cultural History // Ch. Carpenter, L. Clark (eds.). The Fifteenth Century IV. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2004. P. 1–19.

в XV веке, значению печатного слова. Ключевые аспекты, послужившие границами политического дискурса, – понятия вроде «общего дела», «простого народа» и «политики», – привлекали и привлекают внимание не только историков, но и филологов, и литературоведов.

Вместе с тем интерес к языку и политической культуре пока еще не вылился в новое всестороннее видение причин начала, характера и последствий Войны Алой и Белой розы. Объясняется это просто: мало кто из ученых попытался совместить подробный разбор хранящихся в архивах образцов индивидуальных опытов и действий (оплот наследия Макфарлейна) с теоретическими тонкостями лингвистики и политической культуры. Представленная здесь вниманию читателя краткая история Войны Алой и Белой розы не может претендовать на достижение такой цели самостоятельно, в отрыве от процесса в целом, но на страницах этой работы я попытаюсь сопоставить широкие культурные течения Англии XV столетия с личными переживаниями, опытом и выбором мужчин и женщин в эпоху, которая, как я покажу, является переходным периодом в английской истории.

Часть 1 Причины

1

Наследие Ланкастеров: Англия, 1399–1449

Если мы хотим составить себе представление о причинах Войны Алой и Белой розы, нам придется вернуться в 1399 год – год низложения Ричарда II Генрихом Болингброком, герцогом Ланкастером. Современники видели ситуацию так же: в декларации Эдуарда IV при принятии им королевского титула в парламенте 1461 года подчеркивается, что Болингброк «противно воле Божией, преданности человечьей и клятве верности» захватил корону и убил Ричарда. Об этом в Англии, «которая через то претерпела тягости несносного насилия, всяческие кары и передраги, подобного чему не видано было и не слыхано в другом христианском царстве, ни на памяти чьей, ни в летописании, не забыл никто»²⁵. Важность 1399 года всегда особо подчеркивается в описаниях гражданских войн при Тюдорах, но современные ученые приводят и менее отдаленные поводы к возникновению конфликта. Вместе с тем нам вовсе не обязательно принимать на веру тезис божественного наказания за зло: ключевое значение 1399 года для объяснения истоков войны и без того очевидно. Обстоятельства, при которых дом Ланкастеров овладел тронem, природа королевской власти в то время и ограничивавшие ее рамки, а также методы легитимации положения нового короля существенно влияли на государственно-политическое устройство Англии при Ланкастерах в первой половине XV столетия и подготавливали необходимые предпосылки для начала военных действий в 1455 году.

1399–1413: Вопрос законности

30 сентября 1399 года епископ Сент-Асафа вслух громогласно зачитал собравшимся сеньорам и представительству общин в парламенте тридцать три статьи акта о низложении Ричарда II. Там подчеркивались тиранические замашки короля, в том числе введение несправедливых поборов, незаконное убийство подданных, презрение к Великой хартии вольностей и подавление подданных. Обвинения на самом деле вовсе не выглядели беспочвенными и, несомненно, демонстрировали непригодность Ричарда к правлению, что в целом признавал, похоже, и он сам. По завершении чтения Болингброк поднялся и объявил о своих притязаниях на престол на основании родословной – происхождения от Генриха III – и намерения спасти страну от «неверного правления и небрежения законами и обычаями этого царства»²⁶. Затем граф Нортумберленд и лорд-казначей Англии спросил, готов ли парламент признать Генриха королем. Собравшиеся единодушно ответили согласием.

События 1399 года действительно были революционными. Взгляды Ричарда II на королевскую власть все больше расходились с воззрениями большинства его политически значимых подданных. Проще говоря, Ричард ставил себя выше законов, принимаемых парламентом с согласия общества. Однако он был помазанником Божьим и безоговорочно полноправным королем, а его низложение меняло политическую культуру средневековой Англии. Если точнее, оправдания его свержению и установлению монархии Ланкастеров в основе своей пред-

---

²⁵ R. Horrox (ed.). Edward IV: Parliament of 1461. Text and Translation // Chris Given-Wilson et al. (eds.). PROME: The Parliament Rolls of Medieval England. Leicester: Scholarly Digital Editions, 2005. Item 9.

²⁶ Chris Given-Wilson et al. (eds.). Henry IV: Parliament of 1399 October. Text and Translation // PROME. Item 17.

ставляли радикальный отход от любых прежних практик. Королевские права Генриха IV основывались на трех принципах.

Король Генрих IV. (1366–1413). Гравюра Э. Боке из «Каталога венценосных и благородных авторов» (Catalogue of the Royal and Noble Authors) Х. Уолпола. Великобритания, 1806
© Georgios Kollidas / shutterstock.com

Во-первых (и это самое важное), новое государственно-политическое устройство королевства Ланкастеров подчеркивало обязанность государя придерживаться коронационной клятвы и править в интересах общего блага. Ричарда свергли как раз за нарушение обязательств и «неверное правление». Генрих IV, таким образом, принимал обязательства поддерживать правосудие, защищать королевство, не облагать население несправедливыми налогами и обеспечивать устойчивость королевских денег. Ожидание сего господствовало в политическом процессе на протяжении первого десятилетия династии Ланкастеров и вращалось вокруг

вопросов налогообложения и подотчетности короля парламенту. Восходя на престол, Генрих, подчеркивая относительную слабость его позиции, пообещал не отягощать подданных поборами. Наверное, он надеялся на богатую казну Ричарда и ресурсы герцогства Ланкастерского как на фундамент устойчивости королевских финансов. Но вскоре Генрих столкнулся с мятежом на домашнем фронте и войной с Шотландией – на внешнем, а потому был вынужден просить парламент о введении новых пошлин. В 1401 году депутаты потребовали загладить обиду до выплат, а через три года обусловили денежные ассигнования назначением особых казначеев для надзора за сбором податей и их расходованием. Более того, в 1406 году все траты короны взял под рассмотрение королевский совет, назначенный парламентом, что и вынудило Генриха сетовать, будто «королям не в обычае самим платить по счетам»²⁷.

Во-вторых, законность правления Ланкастеров основывалась на народной поддержке, за которой обращался Генрих Болингброк. Генриха IV провозгласили королем в парламенте, но политическая культура династии Ланкастеров подразумевала подотчетность королевской власти не только палате общин. Как настаивает Майкл Беннетт, «считалось общеизвестным фактом, что Генри вззошел на престол на основании договоренности с народом»²⁸. В 1402 году уже слышались жалобы на то, что король повышает налоги не ради общего блага, а ради обогащения своих придворных и помощников из ближнего круга. Более того, о Генрихе все чаще говорили как о нарушителе данного слова, причем не только относительно методов правления. Выходило, что при захвате власти в 1399 году он намеренно лгал, утверждая, будто по возвращении в Англию собирался только вернуть себе герцогство Ланкастерское. Именно эти сетования лежали в основании причин вспышки мятежа архиепископа Скрупа Йоркского в 1405 году. Еще в мае 1402 года для борьбы с распространявшимися слухами о нарушении королем обещаний повсюду в королевстве распространялись прокламации, напоминавшие: «Всегда было и будет намерением короля, чтобы благополучие, законы и обычаи королевства почитались и поддерживались»²⁹. На протяжении большей части первого десятилетия правления Ланкастеров король оставался на положении, если можно так выразиться, отстающего. Он постоянно оказывался вынужденным реагировать на вызовы его королевской власти и авторитету. По словам одного хрониста, Генриху даже пришлось публично клясться, что он не захватывал корону, но был «должным образом избран». Если утверждение хрониста – правда, налицо примечательное признание шаткости основ правления Ланкастеров.

В-третьих, обострялся фактор чисто династических претензий. Генрих дал старт поискам монастырских архивов повсюду в королевстве с одной целью – доказать, будто Эдмунд Горбатый, граф Ланкастер, приходился на деле старшим сыном Генриху III. Но все усилия ни к чему хорошему не привели, ибо подтвердили, что на самом деле законным наследником последнего был Эдуард I, прапрадед Ричарда II, и никто иной. Поэтому притязания Генриха IV на старшинство предков, на которое он исподволь упирал в парламенте, выглядели слабовато: фактически его права строились на родовой линии матери, Бланки Ланкастер. Вместе с тем происхождение от Джона Гонтского, третьего сына Эдуарда III, несколько упрочивало позиции Генриха, если учесть закрепленный королем Эдуардом в 1376 году порядок наследования по мужской линии³⁰. И все же подспудный упор Генриха на родственную близость с правившими королями через женскую линию придавал больший вес притязаниям семейства Мортимеров, наследников второго сына Эдуарда III, Лайонела Кларенса, и его дочери Филиппы, как представителей старшей линии. Слабость династических прав Генриха хорошо проиллюстрирована

---

²⁷ F. S. Haydon (ed.). *Eulogium Historiarum sive Temporis*. London: Rolls Series, 1863. Vol. 3. P. 409.

²⁸ M. Bennett. *Richard II and the Revolution of 1399*. Stroud: Alan Sutton, 1999. P. 204.

²⁹ *Calendar of Patent Rolls, 1401–1405*. P. 126.

³⁰ В 1376 г. умер старший сын Эдуарда III, Эдуард Черный Принц, заправлявший многими делами в королевстве при дряхлеющем и выжившем из ума отце, поэтому царствовавшему почти столетия королю накануне собственной кончины (1377) пришлось принимать решения о порядке наследования престола.

необходимостью не менее чем в четырех случаях подтверждать и подчеркивать, что воцарение Ланкастеров произошло по воле парламента.

Причины шаткости положения Генриха IV видны невооруженным глазом. Он взошел на престол, будучи главой небольшой фракции, и фактически его баронское окружение, личный двор, превратилось в правящую верхушку королевства. Соответственно, Генрих полагался на поддержку доверенных лиц, часть которых служила еще его отцу, – сэра Томаса Эрпингема, сэра Томаса Ремпстона, сэра Хью и сэра Роберта Уотертонов и Джона Норбери, а также на небольшую группу товарищей времен изгнания (из них был, к примеру, Томас, граф Эрандел). Последний до смещения его Ричардом II в 1397 году за поддержку годом ранее лордов-апеллянтов³¹ занимал должность архиепископа Кентерберийского и тоже вошел в ближний круг Болингброка после возвращения того в Англию, превратившись в одну из опор режима Ланкастеров.

Опора Генриха на приверженцев Ланкастеров в правительстве и поиск народной поддержки тоже объяснимы: это были средства усиления его королевской власти, притом что ряды аристократии в 1399 году поределели. Эдмунд, герцог Йоркский, был фактически недееспособным из-за преклонных лет и умер в 1402 году, а его сын, граф Ратленд, выглядел фигурой ненадежной. Томас Моубрей, наследник герцогства Норфолк, пока не вошел в возраст, как и графы Оксфорда и Марча. Графства Кент, Солсбери и Хантингдон находились в распоряжении короля с 1400 года после мятежа, а графы Девон, Суффолк и Уорик по разным причинам не играли в делах государственного управления почти никакой роли. Графам Эранделу и Стаффорду не хватало опыта в силу молодости. Генрих не мог положиться на могущественный нобилитет как на помощников в управлении королевством. Деятельными администраторами оставались только графы Нортумберленд, Вустер и Уэстморленд и их родичи (например, сэр Генри Перси или Томас Невилл, лорд Фернивал); они и стали опорой королевского дома. Незаконнорожденный сводный брат короля Джон Бофорт, граф Сомерсет, прежний сторонник Ричарда II, довольно быстро переориентировался и превратился в непоколебимого поборника дела Ланкастеров.

При столь малой социальной опоре Генрих неминуемо был вынужден награждать баронов – жаловать землей и деньгами в надежде заручиться их поддержкой, причем безусловной и безоговорочной. Королевская щедрость, однако, озлобляла народ, наблюдавший, как король повышает подати и раздает направо и налево своим сторонникам деньги и земли.

Соответственно, первые годы царствования Генриха IV отмечались постоянной критикой в парламенте и мятежами за его стенами. Наиболее серьезное восстание поднял валлийский сквайр Оуайн Глиндур. Вследствие этого в 1402 году разгорелась война с Шотландией, а в следующем году сторону Глиндура приняли бывшие королевские союзники из рода Перси. В 1406 году в ответ на требования парламента был учрежден новый королевский совет во главе с архиепископом Эранделом. При этом с 1407 года все более значительную роль в деле управления государством начал играть старший сын короля Генрих, принц Уэльский³², уже зарекомендовавший себя как талантливый военный и политический предводитель в Уэльсе. По мере ухудшения здоровья короля принц принял в свои руки бразды правления, в чем ему помогали Эрандел и трое вполне способных братьев, а также новое поколение молодых аристократов. На протяжении 1410–1411 годов принц фактически правил страной с помощью совета, снискав преданность свойственников дома Ланкастеров и укрепляя собственную репутацию воена-

---

³¹ Небольшая группа очень влиятельных аристократов, в течение десятилетия фактически распоряжавшаяся всеми делами в Англии.

³² Этот титул применительно к Средневековью не вполне корректен. Уэльс, покоренный Эдуардом I, считался княжеством (*principality*). «Принцами» Уэльса обычно бывали старшие сыновья английских королей, но понятия «наследный принц» Англия тогда не знала, вместо него применялось *hier apparent* (наиболее вероятный наследник). Словом, все принцы Уэльские были князьями Уэльскими.

чальника в должности коменданта Кале. Он, однако, переоценил себя, вмешавшись во французскую гражданскую войну у французов на стороне бургундцев, и король наложил вето на его инициативу. Принцу Генриху пришлось претерпеть унижение и подчиниться воле отца. Но к концу 1412 года принц вновь заправлял делами королевства, а его брат Томас, герцог Кларенс, возглавил успешное нападение во Францию, несмотря на примирение между соперничающими партиями бургундцев и арманьяков. 20 марта 1413 года Генрих IV скончался, «истомленный трудами и тяготами королевской власти»³³. Престол без споров перешел к его старшему сыну, 9 апреля того же года коронованному как Генрих V.

Король Генрих V (1386–1422). Гравюра Э. Боке из «Каталога венценосных и благородных авторов» Х. Уолпола. Великобритания, 1806
© Georgios Kollidas / shutterstock.com

---

³³ A. J. Pollard. Late Medieval England, 1399–1509. Harlow: Longman, 2000. P. 63.

Власть Ланкастеров пережила кризис законности, порожденный обстоятельствами 1399 года. Тут можно наблюдать некое сочетание везения, талантов людей вроде Эрандела и верности, демонстрируемой постоянно разрастающимся кругом приверженцев династии Ланкастеров. Вместе с тем за это приходилось платить. Во-первых, стоимость содержания ближнего королевского круга увеличивалась, траты правительства раскручивались по спирали, отчего внутри господствующего класса нарастало напряжение. Во-вторых, король был вынужден полагаться на окружение Ланкастеров на местах. Это приводило к перестройке политического общества во многих уголках королевства и порождало опасения, что частные интересы возьмут верх над заботами о всеобщем благе. Еще важнее, что Генрих IV компенсировал недостаток легитимности обращения к народу и поисками его одобрения, зная о сомнительности своих кровных прав на престол. Представители парламента, склонные к мятежу подданные и воспевающие Ланкастеров личности – все ставили под вопрос методы короля, если не само его право на власть. Подводя итог, можно сказать, что режим Ланкастеров зависел от поддержки подданных в самом широком смысле слова. Этот фактор возымел очень и очень далекоидущие последствия в XV столетии.

1413–1437: Видимость порядка

Генриха V называли и называют «величайшим из всех, кто правил Англией». Многие современные историки соглашаются с К. Б. Макфарлейном, что царствование этого короля доказало: сильная и эффективная королевская власть может самым эффективным образом мобилизовать ресурсы государства, обеспечить справедливость и укрепить финансы, проводя разумную, внятную и успешную внешнюю политику³⁴

---

³⁴ К. В. McFarlane. *Lancastrian Kings and Lollard Knights*. Oxford: Oxford University Press, 1972. P. 133.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.